

СВЕТЛЯЧОК

17.10.2012

№11 (19) Октябрь 2012 года

• С музейных полок

Где герани глядели на нас

*Где герани глядели на нас из открытых окон,
И весь мир довоенный казался нам очень счастливым...*

Именно в этом прекрасном мире в 1929 году и родилась Надежда Ивановна Салунина (Туманова). Чудесный этот край, колыбель её детства и ранней юности, назывался деревней Любино Лучанской волости Холмского уезда. В семье учителей Жихаревской школы Ивана Ефимовича и Марии Львовны Тумановых было четверо детей. Все смыслёные и способные. Двоих, Николая и Надежду, судьба отметила ещё и даром творческим. Николай хорошо рисовал, играл на гитаре и пел. Надежда писала стихи, подбирала к ним музыку и исполняла свои песни. «Я родилась с гитарой в руках», - напишет она о себе.

Нелёгкая судьба была у того поколения. Николай, не закончив по болезни Ленинградское художественно-промышленное училище, где успевал на «отлично», в 1941 году вынужден был вернуться домой. Рисовать не бросал и здесь, на небольших кусочках бумаги акварелью (сложности военного времени) создавал свои работы. В 1945 году его не стало. А было ему всего 26.

Надежда пережила Ленинградскую блокаду, но не растеряла бодрости духа, врождённого чувства юмора и желания сочинять свои песни и стихи до самых седин. В Андреапольский краеведческий музей попали её тексты и аудиозаписи, датированные концом 90-х и началом двухтысячных. Прикиньте, сколько ей было лет? На многих фотографиях она – с гитарой, и юной девушкой и элегантной дамой почтенного возраста. «Петербуржцам, я знаю, за то мои песни милы, // Что слова от души и мелодия очень простая», - напишет она. И в подтверждение этому - множество благодарственных писем и грамот от руководителей разных мастей. А, кроме того – письма от обычных жителей Ленинграда с тёплыми словами в адрес нашей землячки.

Душевно приняли их и члены литературного клуба «Светлячок», которым на сентябрьском заседании творчество Надежды Салуниной представил директор нашего краеведческого музея Валерий Линкевич. Звучали песни Надежды Ивановны в записи, полюбившиеся её стихи читали члены клуба.

Всем понятно, что к непрофессиональному стиху и относиться надо как к народному творчеству, ведь это и есть тот самый голос масс. Похоже, устроители ленинградских (позднее петербургских) творческих встреч хорошо это понимали. Среди переданных в музей Надеждой Салуниной материалов есть интересная афиша, где на одном из концертов в одном ряду выступают маститые авторы, например, Эдуард Хиль, и самодеятельные творцы, в числе которых и наша землячка Н. И. Салунина. И нам это видеть приятно. Как будто бы ощущаешь собственную причастность к событию, чувствуешь, что не иссякает наша земля (простите за высокий слог, но иначе сказать не получается) талантами. Выходили и будут выходить из неё, из самой глубокой глубинки, интересные и беспокойные люди, не ограничивающие свою жизнь хлебом насущным, а думающие о пище духовной и стремящиеся к ней.

Надежда Ивановна и сейчас живёт в Петербурге, и дай ей Бог многие лета. А выставка картин её так мало прожившего брата «Не дозвучал его аккорд...» закрывалась в этот же день. Больше месяца работала она в фойе библиотеки и собрала большое число отзывов и искренних похвал. Брат и сестра Тумановы приоткрыли нам окошко в свой мир, где «по осени дом духом яблок и мёдом пропах...»

Стихи Н. И. Тумановой мы поместим на следующей странице нашей газеты. Почитайте их.

М. Петрова

• **Земляки из далека**
Надежда Салунина
 г. Санкт-Петербург

Третий месяц войны. Мне 11 лет.
 Вдалеке канонады разрывы.
 Не играем в лапту - настроения нет.
 И пока что все близкие живы.

Осень тихо бредёт, грустно смотрит в ручьи
 И не трогает листьев опавших.
 Кто-то горько шутил, что теперь мы ничьи,
 Потому что ни немцев, ни наших.

Вдруг немецкая речь, словно град под окном.
 Мы застыли и молча глядели.
 На красивых конях, как жакеи в кино,
 Три сверкающих немца сидели.

«Русишь киндер, хватай!» - офицер хохотал,
 Шоколадку ломая на части,
 На дорожную пыль нам по долькам бросал
 Шоколадное детское счастье.

Долго ждали. На нас аппарат навели.
 Чтобы снять, как в пыли будем рыться.
 Мы не двинулись с места, просчитались они,
 Пораженья не знавшие фрицы.

Вдруг рванулся один подбирать шоколад,
 Несмышлённый двухлетний ребёнок.
 Но его оттащил за рубашку назад
 Старший брат, лет восьми октябрёнок.

Мне 11 лет. Многим - меньше того.
 Мы не в силах Победу приблизить.
 Но горды были тем, что из нас никого
 Не сумели фашисты унизить!

* * *

Я видала края, где в озёрах из мрамора дно,
 Любовалась дворцами и всё не могла наглядеться,
 Только в сердце моём остаёшься лишь ты,
 Любино,
 Где, как ветер, промчалось моё босоное детство.

Где герани глядели на нас из открытых окон,
 И весь мир довоенный казался нам очень
 счастливым,
 Где от тихого ветра неслышно волнуется лён
 И чарует своим неземным голубым переливом.

Где по осени дом духом яблок и мёдом пропах,
 Где едва различим выгон в утреннем белом тумане,
 Где не раз на Баранихе в тёмных волшебных лесах
 У костра под гитару ночами нам пели цыгане.

Разве можно забыть годы те, что из детства глядят
 Октябрёнком с большой самодельной красной
 звездою,
 И моих одноклассниц, таких же, как я, октябрят,
 Что на школьном дворе хороводы водили со мною.

Петербуржцам, я знаю, за то мои песни милы,
 Что слова от души и мелодия очень простая,
 А училась тому я у милой лучанской земли,
 У любимого мной любинского родимого края.

Любино, ты поверь, я за всё благодарна тебе,
 И вина не твоя, что хлебнули мы горя без меры,
 Я всегда тебя помню. И ты в моей трудной судьбе –
 Постоянный урок и любви, и надежды, и веры.

(1994 год)

* * *

В кабинете уют. И настольная лампа горит.
 Я листаю страницы далёкого 42-го.
 С пожелтевших уже, мне совсем незнакомых
 страниц,
 Больно ранит меня, душу жжёт, чуть не каждое
 слово.

Это дело отца. Здесь допросы, донос, клевета,
 Показанья свидетелей и трибунал с приговором.
 И на целую жизнь с рокового того октября
 Всё семейство Тумановых было покрыто позором.

Чашу горькую лжи с клеветой мы испили до дна,
 Но чудовищность их лишь сегодня я только узнала.
 Поняла, что отцу ни за что предъявлялась вина,
 Когда дело в его кабинете уютном читала.

Он учителем был и народу родному служил,
 Просвещение нёс дорогому лучанскому краю.
 И не он враг народа, а тот, кто его погубил,
 Имена этих страшных людей я сегодня читаю.

Дай вам Боже здоровья, кто верил в отца моего,
 Кто замолвил в защиту его хоть единое слово,
 Кто вернул, словно истину, честное имя его,
 Смыл позорную грязь, чтоб людьми называли нас
 снова.

Я молю, чтоб потомки доносчиков и стукачей
 Ни презренья, ни лжи, ни наветов вовек не встречали
 И имён своих предков, сгубивших невинных людей,
 Как позора их рода, вовеки веков не узнали.

(1994 год)

• Размышления о прочитанном

"Злые цветы" Бодлера*... Жил во зле, добро любя.***М. Горький**

Россия и Франция... Два государства, которые на протяжении 18–19 веков связывали особенно тесные взаимоотношения. Французский язык, французский театр, архитектура, музыка, литература – все это было в тот период широко представлено в дворянской среде императорской России. Учителя, гувернеры воспитывали и учили детей русской аристократии, в практике были распространены браки с обеих сторон и многое другое.

И поэтому, когда военно-экономические интересы этих государств пересеклись в 1812 году (это произошло ровно 200 лет назад), и Наполеон Бонапарт начал военную кампанию против России, то в среде российской аристократии это воспринялось равносильно предательству давней дружбы. Но русские «братушки», руководимые военным гением Кутузова и благодаря дубине народного патриотизма, буквально на штыках вынесли «французику» за пределы России, и русские казаки в мохнатых папах торжественно прогарцевали на конях по улицам Парижа. Военный гений Наполеона, завоевавшего всю Европу, не смог спасти его от поражения в походе против России.

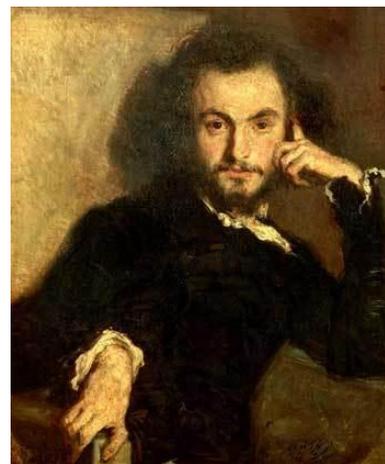
Но здесь речь пойдет не о славе русского оружия, а лишь об одном французском подданном. В 1821 году в Париже родился Шарль Бодлер. Его отцом был выходец из крестьян, ставший в эпоху Наполеона сенатором. В 1828 году в возрасте семи лет будущий поэт лишился отца. Спустя год молодая вдова вышла замуж за генерала, который, также как и отец Шарля, был старше ее по возрасту. Замужество матери наложило тяжелый отпечаток на характер Бодлера, который в пику мнениям отчима и матери часто совершал шокирующие общество поступки. Промотав отцовское наследство, Бодлер жил почти в нищете, известный только узкому кругу людей, таких же эксцентричных, как и он сам.

Почти 16 лет жизни Бодлер посвятил переводу на французский язык произведений Эдгара По, которого считал своим духовным братом. Но об этом ниже.

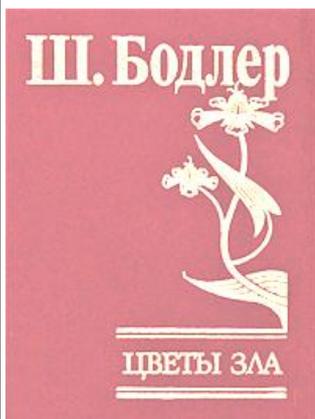
В 1857 году вышла книга Бодлера «Цветы зла», вызвавшая неоднозначную реакцию в обществе. Она была подвергнута судебному преследованию, а ее автора и издателей оштрафовали. Из самой книги суд постановил изъять 6 наиболее аморальных по его мнению стихотворений. Вообще-то раньше поэт хотел назвать свою книгу стихов «Круги ада» по аналогии с поэмой Данте. Назвав же ее «Цветами зла», Бодлер ее двусмысленным названием как бы подчеркнул свой отказ от нравственной оценки явлений жизни.

По признанию Поля Валери, французские поэты, вообще говоря, недостаточно были тогда известны и мало ценимы за рубежом. Французская поэзия довольно не похожа на то, что есть у других народов и наций. Она достаточно неуловима, т.к. гармония ее слишком тонка, рисунок слишком чист, речь же слишком блистательна и нюансирована, чтобы дать себя ощутить тем, у кого нет интимного и подлинного знания французского языка. Охотнее признавались преимущества французской прозы.

Но с Бодлером французская поэзия вышла наконец за пределы нации. Она вынудила мир читать себя, предстала в качестве поэзии современности, вызвала подражания, оплодотворив многочисленные умы. Это дает право сказать, что ежели среди французских поэтов и есть более великие и более могущественно одаренные, чем Бодлер, то нет более значительных. А это обусловлено таким исключительным обстоятельством, что критический ум поэта явлен нам в соединении с удивительным даром поэзии.

(продолжение на стр.4).

(начало на стр. 3).

Бодлер и рожден был восприимчивым и точным, но знакомство с творчеством Эдгара По открыло для него новый интеллектуальный мир. И это восхитило его, т.к. он нашел в своем учителе гения пронизательности и анализа, изобретателя полновесных сочетаний логики с воображением, мистицизма с расчетом, психолога исключительностей, инженера литературы, углубляющего и использующего все возможности искусства. Это от него, да еще от Томаса де Куинси, поэтов потайных и свое время мало оцененных, Бодлер научился уменью соединять, не смешивая, ужасное с прекрасным, нежное с жестоким, райское с адским. Это от них в поэзии Бодлера появились такие великолепные черные тона, счастье ужаса, блаженство отчаяния, радость неосуществимого желания и вторая их особенность – образность. Пышная, причудливая, пьяная, поддерживаемая парами опиума и алкоголя столько же, сколько филологическим гурманством. Поэзия Бодлера подобна закатному небу, где борьба света и тени порождает на мгновение храмы и башни нашей истинной родины, лица тех, кого мы могли бы действительно полюбить, лиловые моря, в которых бы мы утонули, благословляя смерть.

Бодлер к поэзии отнесся как исследователь, вошел в нее как завоеватель. Самый молодой из романтиков, он сознательно наметил себе еще неиспользованную почву и принялся за ее обработку, создав для этого специальные инструменты. В предисловии к «Цветам зла» поэт сам себе говорит: «Знаменитые поэты уже давно поделили самые цветущие области царства поэзии. Мне показалось забавным и приятным, тем более что задача была трудной, извлечь Красоту из Зла. Эта книга глубоко бесполезная и вполне невинная, написана только для моего развлечения и упражнения моей страстной любви к препятствиям...»

Странным было бы приписывать Бодлеру все те переживания, которые встречаются в его стихах. Чем тоньше артист, тем дальше его мысль от воплощения ее в действие. Переход лирической поэзии в драматическую в XIX веке наконец осуществился. Поэт почувствовал себя всечеловеком, даже мирозданием, органом речи всего существующего и стал говорить не столько от своего собственного лица, сколько от лица воображаемого, существующего лишь в возможности, чувств и мнений которого он часто не разделял. (Эта теория выражена очень ярко поэзией Уолта Уитмена). К искусству творить стихи прибавилось искусство творить свой поэтический облик, слагающийся из суммы надевавшихся поэтом масок. Истинный аристократ духа, поэт видит себе равных во всех обиженных жизнью, для него, знающего ослепительные вспышки красоты, уже не отвратительно никакое безобразие, весь позор повседневных городских пейзажей у него озарен воспоминаниями об иных, сказочных странах.

В «Цветам зла» нет ни исторических поэм, ни легенд; нет ничего, что отдавало бы дань повествовательности. В них не найдешь философских тирад. Нет в них места и политике. Описания редки и всегда знаменательны. Но всё в них – прельщение, музыка, могущественная и отвлеченная сущность... Пышность, образ и сладострастие.

В лучших стихах Бодлера есть сочетание плоти и духа, смесь торжественности, страстности и горечи, вечности и сокровенности, редчайшее соединение воли с гармонией, глубокое понимание ощущений и их гармонических отзвуков.

Уважаемый читатель, прочти «Цветы зла» Шарля Бодлера и ты сам во всем убедишься...

Что же касается биографии поэта, то последние годы его жизни были отмечены тяжелыми материальными лишениями и болезнями. С 1864 года он жил в Бельгии – одинокий, испытывающий частые припадки нервной болезни, завершившейся параличом и потерей памяти. Мать перевезла его в Париж, где Бодлер и скончался 1 сентября 1867 года.

Как часто сходны последние годы жизни гениальных поэтов!..

Владимир Марков,
г. Андреаполь

НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...».

Мой друг – олигарх

Время лечит. Время учит. Об этом я размышляю у своего окна на андреапольской улице Кленовая, оглядываясь в прошлое. Мой друг олигарх – он оттуда, из прежней жизни.

Давний мой приятель со школьных ещё времён (мы учились в спортивном интернате), со студенческих лет. При виде его сразу вспоминался Фернандель. Люди старшего поколения помнят такого французского комика. Даже передача была «Сегодня вечером – Фернандель».

Весёлый, не унывающий оптимист. Душа застолий и разных житейских ситуаций, когда требовалось поднять настроение, ну, в очень хорошую сторону! Душа нараспашку: «Берите всё, мне не жалко». Добр был и бескорыстен. Его зовут Андрей.

Случились в нашей жизни разные передраги: разводы, потери, переезды и даже война. Я случайно встретился с ним почти через десяток лет на московском аэровокзале.

Был он уже не тот, что в молодости. Солидный господин. Скуп на слова. Уверен в себе. Одет, как подобает начальнику-руководителю. Стал бизнесменом. Владеет «заводами, газетами, пароходами...».

Разведав это, я и друзья-однокурсники «прискакали» к нему по старой дружбе: «Андрюха, выручай! Зарплата в «бюджетке» - копейки! Помоги встать на ноги...».

Он поддержал всех. Каждого устроил, пристроил. Всем платил более, чем прилично. А мы, его однокашники, делали вид, скорее, чем работали: «Андрюха не обидит...». Хотя за 10 лет разлуки он прочно стал «Андреем Борисовичем».

Прошло ещё несколько лет достаточно безмятежной жизни. И вдруг началась череда увольнений моих друзей (и меня тоже). Один, другой, третий недоумевали: «Как же так? За что?».

Только теперь, спустя ещё ряд лет горького опыта, до меня дошло. От нас, старых друзей, Андрей хотел всего лишь качественной работы. Ждал, наверняка, совестливого отношения к делу, к бизнесу. Его успех был создан, выстрадан, вымучен его руками и головой в то время, когда мы прошли стороной, да так для серьёзной работы и не созрели, хотя и лет нам было уже немало. До его отношения к делу мы так и не доросли. Только понимать научились, почему не каждый из нас стал олигархом. Спасибо за урок, Андрей!

Яков Мирон,
Андреаполь - Москва

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ»

Из чердачного окошка было очень удобно наблюдать, как каждое утро Таня приходила на берег любимой реки Западная Двина. Ее приветливо встречало ласковое солнце. Оно весело играло в ее каштановых волосах. Таня любила солнце, любила приветливую реку, не боялась прохладной воды. Она знала: солнце не даст девчонку в обиду, заботливо обогреет и обсушит.

Но сегодня его нет. Нет, хотя уже давно полдень. И Таня скучает. Ей не хочется купаться. Она в одиночестве бродит по песчаному берегу.

А потом быстро, крупным детским почерком пишет на песке: «Пусть всегда будет солнце!» И даже хмурым тучам стало, видимо, стыдно, что они мешают исполниться этому желанию обиженной девочки, они нехотя расступились, дав место солнцу, такому горячему и огромному.

А солнце обрадовалось, что может выполнить свою нужную людям работу, ласково осветило надпись на песчаном берегу, как бы сказав: «Вот и я!» Осветило реку, поиграло в ее волнах, обнялось с одиноко сидевшей на берегу Таней.

И всё сразу стало выглядеть прекрасно. Таня весело зашлёпала по воде, и брызги полетели в разные стороны. Они тоже радовались большому солнцу, доброму солнцу июля.

Валерий Разживин,
с. Торопацы

• **НОВЫЕ СТИХИ**

Наталья Шабанова

п. Чистая речка

Ныне в моде инновации,
Толерантность, креатив,
А ещё модификации,
Шопы, ЧОПы, субъектив.

Учат новыми стандартами,
Мониторят там и тут,
Физкультуру с супер-
стартами
Модно фитнесом зовут.

Шьют по nano-технологиям,
Отцифровано кино,
Всё везде пронумеровано,
Чипом всё закреплено.

Там консенсусы достигнуты,
Тут дают коммюнике.
Изъясняться мы сподвигнуты
На чужом нам языке.

Строим новые концепции,
Есть на всё у нас проект.
Рейтинг возведя в амбиции,
Растеряли интеллект.

МУЗЫКА ЛИСТОПАДА

Шорох листьев, шёпот листьев,
Тишина...
Голос ветра, голос вьюги
И свирель...
Тихо вздрогнула и замерла струна -
Разразился листопадом этот день.

Шорох листьев, шёпот листьев,
Звёздный дождь...
Золотая лихорадка и -
Свирель...
Будто ангел пролетел и не поймёшь,
Это музыка иль звонкая капель?

Шорох листьев, шёпот листьев,
Сердца стук...
И безумная симфония с небес
В нежном вальсе закружилось всё вокруг:
Это поле, это солнце, этот лес.

Шорох листьев, шёпот листьев,
Тишина...
Отшумело, отзвучало, улеглось.
Одиночество и полная луна
С этой осенью в единое слилось...

ДЕТСТВО ТАМ

Детство там, где бархатные звёзды
И в лучах звенящая капель.
Где туман в ложине осторожно
Расстилает белую постель.

Облака там - белые барашки,
Что пасутся мирно на лугу
И ласкает запросто ромашки
Тёплый ветер нежно на бегу.

Детство там, где шёлковые косы
Заплетают осень в листопад,
Где беззвучно опадают росы
И сады по-девичьи шумят.

Детство там, где сердцу вольно-вольно
И распахнут настезь горизонт.
Детство там, где лишь от счастья больно
И где мама для тебя живёт.

ВЕТШАЕТ ОСЕНЬ

Ветшает осень в пёстреньком убранстве.
Разорван в клочья пёстренький наряд.
Вписался клин в небесное пространство,
Гусей и уток гонит снегопад.

Уже не рдеют трепетно осинки,
Пожухли клёны без янтарных бус.
Срываясь с неба, первые снежинки
Тоски и грусти оставляют груз.

День от восхода близится к закату,
Теряет краски, всё в полутонах.
К теплу и солнцу нет уже возврата.
И даже мухи ощущают крах.

И только ветер, злость свою срывая,
Грохочет в трубах, воет тут и там.
И воробьёв безудержная стая,
Нахохлив перья, вторит тем ветрам.

• Как молоды мы были

Фуфаячка

С чего и начать? Может быть, со слов сегодняшней эстрадной песенки: «Лучшие друзья девушек – это бриллианты»? Это в стране-то, где восемьдесят процентов населения, если не больше, эти бриллианты видели только на картинках глянцевого журнала или в кино? Да и что это за время такое, что лучшему другу можно предпочесть блестящий камушек? Измельчали же наши идеалы. Для нас, поколения послевоенного, такие слова до сих пор абсурдом кажутся. Но, как ни больно с этим соглашаться, «по одежке» судили и в те далёкие милые сердцу времена. Мне пришлось проверить это на собственном опыте.

Дело было в начале 60-десятых. Мы с подружкой, студентки Бежецкого медицинского училища, ехали после сельхозработ в Андреаполь, ко мне домой. Вышло так, что из колхоза нас отпустили позже, чем ожидалось. Стояли сильные холода, и наши лёгкие кофточки, самая тёплая цивильная одежда, которая у нас с собой была, совсем не грели. Тогда решились ехать в колхозном наряде: синие сатиновые штаны типа шаровары - у меня, фланелевые узенькие лямные брючки – на ней. Верх костюма подружки состоял из фуфайки. Моей верхней одеждой была «пальтушка», так называла бабушка собственноручно сшитую из дешёвенького сукна и подбитую ватой одежонку. Бабушка фуфаяк на дух не переносила, вероятно, памятуя о своём мещанском происхождении.

Мы ничего зазорного в своих костюмах не видели: подумаешь, едут девчонки из колхоза. Всем же понятно. Но, как оказалось, не всем. Такого панибратского отношения со стороны мужского пола мне раньше никогда не приходилось испытывать. Нам 15-летним правильным девочкам бросали сомнительные комплименты, провожали блудливыми взглядами и даже пытались ущипнуть. Мы были вне себя от происходящего. За кого нас принимают? Под нашими гневными взглядами и ответными сдержанно ледяными фразами пристававшие оставляли нас в покое со словами: «Подумаешь, интеллигенток из себя корчат».

- А может и вправду студентки? - даже усомнился один из таких товарищей.

- Да какие студентки, не выросли ещё, да и руки рабочие, посмотри.

Пряча исцарапанные на льняных полях руки то за спину, то в карманы, мы жались в уголок вокзала (дело было в Бологое). Даже в буфет не пошли, хотя есть очень хотелось, и были деньги, заработанные честным трудом.

Ни до того случая, ни после проблема нарядов нас не смущала. Решалась она очень просто: на свидания вся наша 9-я комната в количестве девяти человек бегала поочередно в одном моём осеннем пальто, а по морозцу в одном зимнем пальто Вали Смирновой, сшитыми по моде. Мы были разного роста и разной комплекции, но на всех одежда сидела, на наш взгляд, прилично. Недостатки камуфлировали где пояском, где шарфиком. И кавалеры, в основном студенты машиностроительного техникума, были влюблены каждый в свою мадонну.

Сегодня я иногда смотрю телепередачи, где нас пытаются научить правильно и красиво одеваться, и думаю, что мы действительно этого не умеем делать. Мало того, долгие годы мы считали, что о тряпках пекутся только пустые дурочки, а нормальные люди должны заботиться о содержании головы. И дочь моя усвоила эти же правила. До сих пор она с неодобрением смотрит на «тряпичниц», считая, что они тратят время зря. Фраза из «Евгения Онегина»: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» - как-то не застряла в мозгу по крайней мере двух наших поколений. Хорошо ли это? Наверное, не очень. Но мы были молодыми и счастливыми настолько, насколько сегодня ровесники нам тогдашним вряд ли умеют. Им всё чего-то недостаёт. Мы на материальном не заикливались. И скажи нам тогда, что «лучшие друзья девушек – это бриллианты», покрутили бы выразительно пальцем у виска.

Маргарита Петрова

• ... КТО СМЕЁТСЯ ПОСЛЕДНИМ
В БИБЛИОТЕЧНОЙ ТИШИНЕ

На свечку дуло из угла
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел два крыла,
Крестообразно...

Борис Пастернак

Меркнет зрение – сила моя,
Два незримых алмазных копья...
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами...
Я свеча, я сгорел на пиру...

Арсений Тарковский

Следующие стихи рождались именно в таком порядке, как здесь напечатаны. Взгляни, читатель, какие картины рисует иногда поэтическое воображение под сенью библиотечных стеллажей. И как этот процесс заразителен.

Игорь Столяров
г. Нелидово

В библиотечной тишине,
В укромной нише,
Взгляд, протрезвевший не вполне,
Упрятав в Ницше,
Сидит с утра интеллигент –
Больной в ознобе,
С решением дать ангажемент
Одной зазнобе.
А дальше – стройные ряды
Простецких кресел.
Корпят студентки молоды,
Их взгляд невесел.
Шуршат две дамы легких дел,
Деля по-братски
В одном порыве душ и тел
Труды Блаватской...
Привычно кутаясь плечом
В костюме сиротский,
Я сам, как будто ни при чем, -

Грушу над Бродским.
А грезы шепчут из окна
В мой угол дальний,
Как ты ночей не спишь, одна
В безмолвной спальне.
Как обнажено-горяча,
Дрожа над мраком,
Там до утра горит свеча
Над Пастернаком...

Наталья Иванова
п. Пено

ОНА за книгой дотемна,
Мечтая втайне,
О ком-то вновь грустит
одна
В уютной спальне.

Всплывают милые черты
С листов бумажных.

Невыносимей пустоты
Под пальцем каждым
Томленье обнаженных плеч
В объятьях мрака.

Не гасит ночью кто-то свеч
У Пастернака.

Знаток порывов душ и тел,
В каком-то веке
За «бабочками» подсмотрев
В... библиотеке,
Над Бродским погружен во мрак,
Тоскует снова
О НЕЙ поэт, похожий так
На Столярова!

А жизнь проходит цепью дней.
Ты будь хоть гений,
Желанья стих сложить сильнее –
Желание прикосновений.

(продолжение на стр.9).

Петр Бобунов

г. Нелидово.

И был еще один средь
них

В читальном зале.
Он не листал книг никаких,
И в стих не взяли.

Не то, чтоб вовсе не читал, -
Придя с мороза,
Сначала тело согревал,
А это – проза.

Согревшись, завершил постой
И сделал выбор.
На наш век – странный. Но Толстой –
Такая глыба!

В абонементе взял листок –
Означил повесть
И подписался: Пьер Ростов.
(Наташин, то есть).

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

Меня там не было, увы, -
года, седины...
Какие мысли о любви,
коль ломит спину.

Но снова мой горяч матрас
(не до аптеки),
чем занимаются сейчас
в библиотеке!?

Я завтра не пойду к врачу.
У книжной полки
вообразу постель, свечу...
И вдруг - Тарковский

на двух светящихся крылах
(земных - не надо).
Упьюсь, превозмогая страх,
алмазом взгляда.

Свечой сгорю я на пиру.
Но речь сурова:
«Не всякому внимай перу,
читай Толстого!»

• Обратная связь

В прошлом номере «Светлячка» было опубликовано стихотворение Александры Лельбикс. Необычность его формы вызвало как интерес, так и споры: к какому жанру отнести этот текст, стихи ли это вообще? Вот такой отзыв на творчество молодого автора пришёл из Нелидова от опытного собрата по перу:

Знаток в области верлибра себя назвать не могу. В этом смысле я - абсолютный дилетант, но все же рискну высказать свои соображения.

На мой взгляд, здесь верлибр с оттенком белого стиха (хотя и ближе к первому) (тут же пришло на ум словосочетание "белый верлибр" - забавно!). Но это что касается классификации, а классифицировать можно не все. Мне кажется, что само произведение получилось по-своему интересным и при этом весьма эмоциональным, пронизанным искренними чувствами. Мне видятся здесь некоторые внешние параллели с современной поэзией в лице таких авторов, как Вера Полозкова или Аля Кудряшева - при всей условности подобных сравнений. Наверняка есть и более похожие примеры. Речь о форме и ощущении - настроение в стихе другое и абсолютно индивидуальное.

Технически: некоторые многоточия в тексте выглядят избыточными, и их с согласия автора можно было бы заменить (хотя это субъективно), но само произведение мне кажется достойным внимания.

Отдельное спасибо за возможность печататься в вашей газете.

Игорь Столяров,

г. Нелидово

Сегодня распечатала для себя номер вашей газеты, спасибо большое за публикацию, а газету читали с увлечением, всем коллективом.

Примите ворох ярких, восторженных отзывов.
СПАСИБО!!!!

Наталья Сергеева-Венкова,

г. Нелидово

Кстати, здорово, что к вам и тверские стали заглядывать (это я про стихи Отливанчика в сентябрьском номере), сразу же хотел сказать, как увидел.

Пётр Бобунов,

г. Нелидово

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов**Одинец****РАССКАЗ**

искрящуюся под солнцем снежную кисею-нависель, «раскатал» по льду лесного озера молочно-белую скатерть. Первый, настоящий снег – открытая дверца в потаённую жизнь лесных обитателей. На снегу остаются их следы, как букочки на тетрадном листочке. Постепенно, со временем, из таких «листочков» собирается особая тетрадь, в которой для биолога-следопыта рассказывается о зимней жизни лесных зверей и птиц.

Первый снег изменяет привычную для зверей обстановку их места обитания. Настораживаются звери и день-другой сидят в укрытиях. Потом выходят на поиски корма, а кто-то и любопытства ради, и расходятся по лесу, по своим делам, оставляя на снегу цепочки следов. По следам можно определить – кто прошёл, молодой зверь или взрослый, самец или самка, как он шёл, куда пошёл, как вёл себя при встрече со следами других животных, какую нашёл для себя пищу, как её добывал, как ел и многое-многое другое, что в летнюю, бесснежную пору увидеть и, там более, разгадать бывает трудно.

По первому снегу через нашу деревню перешёл волк. Всю ночь сыпала лёгкая пороша, которая прекратилась к утру. След волка отпечатался чётко, значит, зверь проходил ранним утром. Осторожно шёл, с остановками, сторонясь редких, далеко отстоявших здесь друг от друга домов. Пробирался так аккуратно, что ни одна из собак, сидевших в вольерах у трёх домов, к которым волк подходил, не подала голоса – верный признак того, что зверь был матерый, опытный. Что загнало его в деревню? Почему пришёл один? В эту пору волки уже сбиваются в стаю. Может это «разведчик», отошёл от стаи и проверяет – нет-ли в деревне какой живности? Волки – звери умные, поведение у них может быть очень разным. Но следов других волков окрест деревни в то утро и в следующие дни обнаружено не было. Волки – звери общественные, летом живут семьями, но поддерживают связь через запахи с волками соседями. По запаху знают, где и кто из их сородичей проживает. До поздней осени ходят волки всей семьёй, обучают молодых зверей охоте, а к зиме две, а изредка и три соседних семьи «сбиваются» в стаю. На летних и осенних кормах эти звери накапливают жир, который поддерживает их жизнеспособность в «голодные», трудные для охоты периоды. Зима - не лето, она на морозы, да крутые метели «тётка» богатая. Сытый, здоровый волк по первому снегу в деревню не пойдёт, не станет себя «означать». Значит появившегося зверя завели в деревню другие причины.

Одинец? Конечно Одинец! Особый, всегда голодный зверь, зверь-изгой в волчьем поселении. Как правило, это старые самцы, потерявшие в волчьей группе свой статус равноправного члена, а то и приоритетного вожака. Новый вожак - «Хозяин» может изгнать из группы старого вожака, может и оставить. Не каждый поверженный на низший ранг матерый выдерживает такое унижение. Волки – звери социальные и в веках вырабатывали приёмы добычи своих основных жертв. В летне-осенний период охота на мелкую лесную дичь, да на неопытный молодняк копытных зверей в достатке обеспечивает и семейные группы волков, и ещё только набирающихся охотничьего опыта переярков-второгодков. К зиме объединяются волки в стаю – стаей в трудную пору охотиться легче. Жертвы волков, в свою очередь, приспособились спасаться от хищников и передают этот навык от одного поколения другому. Так что охота у волка – занятие вовсе не из простых. Одинец остаётся один на один со своей удачей.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр.10).

В давние времена, когда люди жили общиной, самым жестоким наказанием провинившемуся соплеменнику было изгнание его из поселения. Такой изгнанник был обречён влачить жалкое существование одиночки и без поддержки своей общины быстро погибал. Дикая жизнь зверей в отдельных случаях очень похожа на нашу, людскую жизнь. Одином может стать также и волк в самом расцвете своего возраста. Но тут причиной одиночества могут быть его заболевание или полученные травмы,

которые изменяют его внешнее поведение так, что оно отличается от привычной для волков картины. Например, физическое уродство, которое может возникнуть от поранения кабаном или лосем в период охоты, от ранения охотником или в результате травм, полученных от попадания в капкан. У волков существует особая форма общения через демонстрацию друг другу «позы стояния» - поворота головы, особого положения ушей, хвоста и т.п. У больного или травмированного волка привычная для этого вида картина «позы стояния» может нарушаться. При нахождении в группе, в случае отсутствия или изменения у отдельных зверей в поведении так называемых, видоспецифичных элементов демонстрации, эти волки могут подвергаться агрессии со стороны других зверей на уровне от изгнания из группы до насильственной гибели.

В веках волки жили по соседству с человеком. Люди разводили скот, чтобы обеспечить себе устойчивое существование во все периоды года. И волки – тут как тут. На мелкой добыче, зайцах да мышах, крупному хищнику силы не набраться. А охотиться на таких зверей как лось и дикий кабан очень непросто. Крупные копытные звери приспособились к «давлению» со стороны волков: выбирают места для своей кормёжки и отдыха такие, чтобы можно было во время обнаружить приближение хищника и убежать, часто переходят с места на место и, в случае нападения волков, отчаянно обороняются. Один удар клыками кабана или копытом лося может стать причиной гибели даже самого сильного и опытного матёрого хищника. У домашней скотины, выросшей в тепле и достатке, противостоять волчьей напаст, по существу, нечем. Вот и подбираются волки к поселениям людей, в надежде поживиться лёгкой добычей. Волк стал конкурентом человеку в вековом выживании и люди объявили хищнику беспощадную войну. Человек является главной опасностью для волков и у них проявляется особый страх перед своим извечным врагом. Страх этот закрепился и присутствует у волков в поколениях, как наследуемый признак. Волк никогда не подойдёт к выпасаемому в лесу стаду домашних животных или к поселению человека, если у него окажется в достатке естественных, природных кормов. Волки, как и все другие хищные млекопитающие - звери макросматики, т.е. животные, которые руководствуются в своём поведении через восприятие запахов. Домашний скот несёт на себе присутствие видового запаха человека – основного, самого страшного врага волков. По этой причине волки никогда не станут нападать на домашних животных, если только их не заставит это сделать жестокий голод - особое зло для всего живого на Земле.

Первый снег. Через деревню прошёл Одинец. Ещё только что начались первые морозы. Ещё зиматушка не показала своего крутого норова. Не настала та самая пора, когда в лунную, стылую ночь повисает над лесом и тянется далеко-далеко тоскливый, голодный вой волчьей стаи. А Одинец уже пришёл в деревню. Осторожно, бесшумно проскользил между домов серой тенью, не нарушив ночного покоя мирно спящих в своих тёплых домах людей и чутких сторожей людского покоя – собак в их удобных будках. Прошёл мелкими, семенящими шажками, шаркая по снегу, оставляя на нём крупные по размеру и слабо вдавленные в ещё податливую, чуть прихваченную морозом землю следы – вес у этого крупного зверя оказался небольшим. Проверил нашу деревню, в которой нет никакого домашнего скота, нет свалки, отбросов со стола. Теперь пойдёт в другую деревню. В лесу ему, по всему видно, в охоте уже отказано, нет для этого былой силы. К остаткам добычи других волков Одинец не пойдёт – там его ждёт верная гибель от своих же сородичей, матёрый это знает. И будет этот изгой бродить от деревни к деревне, пробавляясь чем придётся, бродить, пока события и время не заберут его жизнь, и история одиночного скитальца волчьего племени останется ещё одной, не разгаданной до конца тайной русского леса.

• Гости клуба

Лариса Иванова

г. Торопец

ЧАСЫ И... СЕРДЦЕ

Дрогнули стрелки и ровненько встали:
Время ноль-ноль и минуты ноль-ноль!
Вот бы под ноль все обиды-печали,
Горечь разлук и душевную боль!..

Сердце с часами идущими схоже,
Так же, порою, ЕГО ровен "ход"...
Только часы завести каждый сможет,
Коль встали, а сердце на новый "завод"

Может "откликнуться", если "пружину"
Не источила... житейская ржа!..
Если часов стрелки можно подвинуть,
То стрелки сердечные это - межа,

Межа - между будущим и настоящим,
Межа - между жизнью и... смертью! Они,
В последнее время, всё чаще и чаще,
Как эти - "ноль- ноль". Не кончаются ль дни?!

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕТРУ...

Я устала от шёпота сплетен,
Я устала от зависти, лжи...
Подскажи мне, мой друг вольный ветер,
Как мне их избежать? Подскажи!
Научи, как не видеть врага мне
В том, кто другом казался всегда?!
Научи ты меня, как не помнить,
Что в былое уходят года...
Может, знаешь ты, мой вольный ветер,
Как он сложится - путь мой земной:
Сколько мне оставаться на свете,
И кто об руку будет со мной?..
Пусть я не с безупречной судьбою
И по мне не звонит благовест,
Но особой вины, за собою,
Я не чувствую - вот тебе крест!
Головы я, как страус, в песок
Не совала при виде угрозы...
Мысль не раз мне сверлила висок:
«Ну, за что мне страдания и слёзы?
Хлеб не ела чужой никогда,
А, скорее, делилась своим...
Почему же за мною беда,
По пятам ходит, как пилигрим?!...»
Стань попутчиком, ветер, моим,
Наполняя мои паруса!
Не страшны, ты же знаешь, двоим,
Ни молва, ни беда, ни гроза!

• Молодые голоса

Дмитрий Попов

д. Жуково-г. Москва

ИЩУ Я РАЗГАДКУ

Иду я по жизни, но мало в ней света.
Ищу я разгадку, но нету ответа.

За что я томлюсь и терзаюсь душою,
За что я люблю, но любовь не со мною?

За что, как вслепую, иду я по грани,
Теряясь средь сосен в весеннем тумане?

За что я один и за что не с тобою,
За что эту жизнь называют игрою?

За что я впустую смотрю звездопады,
И что за потери не будет награды?

За что мы живём средь берлог запустенья,
Зачем, не спасаясь, мы ищем спасенья?

Зачем за проступок мы платим годами,
Что сделан не мной, не тобою, не нами?

За что после гроз очищения нету?
Вопросов так много, но мало ответов.

Елизавета Линкевич,

15 лет

г. Андреаполь

Каникулы! Ура, ура!
Учёба кончилась, пора
Теперь и отдохнуть –
Рюкзак на плечи, компас – в путь!

Как хороши места России!
Деревня бабушки особенно красива...
Вот и она: расколота рекою,
Всё так же кажется родною.

Деревья, ветхие избушки...
А вот знакомая старушка
Нетерпеливо смотрит из окна.
Какая добрая она!..

Не знаю, что со мной такое? –
Счастливая, бегу по полю
И обнимаю бабушку свою...
О Боже! Как её люблю!..

* * *

Тихо, в углу, под иконой,
Бабушка что-то поёт.
И вяжет. Смиренно, спокойно.
Я молча смотрю на неё.

• Гости клуба

Геннадий Ильин

г. Нелидово

Добрый вечер! Спасибо людям, которые поделились со мной Вашим адресом. Поздравляю Вас с новой книгой! Это очень важно и знаменательно.

Пересылаю вам пару книжек в pdf с единственной целью ...а на память. Ваше замечательное поэтическое братство живет и прекрасно себя чувствует в этом огромнейшем творческом океане. Мои рифмы, в большей своей части, это не стихи, а тексты для музыки и ВЫСОКОЙ поэзией не являются.

ДЕРЕВЕНСКИЙ НАИВ

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

У нас новости каждый Божий день.
Пересказывать нам для вас не лень.
Каждый день у нас примечательный,
И народ у нас замечательный.

А Никитичне нынче хорошо,
У Никитичны рано лук взошёл.
Она гордая, задирает нос.
Как бы этот лук да не перерос.

Ну а дед Панкрат сам себе не рад,
Чуть не потерял чудо-аппарат.
Пока пробовал зелье-«гвоздодёр»,
Змеевик сосед на металл упёр.

Ну а эта весть прям из первых рук,
У Егоровны родился внук.
Вот и радость ей долгожданная,
Настоящая, не обманная.

Молодой Степан отслужил, пришёл,
Свою Любушку под венец повёл.
Семья новая получается,
И ребёночек ожидается.

Председатель наш собирал народ,
Обещал при всех, что построит мост
Через реченьку нашу быструю.
Если обещал – значит выстроит.

Все события наши сельские,
Настоящие, деревенские.
Завтра новый день на селе у нас
Други новости мы споём для вас.

ВЕСЕЛО МЫ ЖИВЁМ

- Ох, как весело и дружно мы с милёночком
живём.

Если что-то сделать нужно, мы всё делаем
вдвоём.

Вместе лезем, чиним крышу, вместе деньги в
долг берём,

Если кто-то нас не слышит, мы погромче вам
споём.

- А вчера на огороде моя милка в пляс пошла
Прямо при честном народе и частушку завела.
Я вприпрыжку за гармошкой, пока есть в
душе настрой.

Так и садим мы картошку со припевочкой
лихой.

- Дать хотела поросёнку, а муж съел всё с
молоком.

Аж до боли в селезёнке мы смеялись с ним
потом.

- Я милёнка с 8 Марта поздравляю каждый год.
- А я милку, с 23-м, вот такой у нас компот.

Веселимся до упаду и детишки не грустят,
За день насмеются рядом, а потом всю ночь
сопят.

Мы – весёлая семейка, несмотря да ни на что,
Даже кошка на скамейке машет весело
хвостом.

ВЫГЛЯНИ, ЛЮБИМАЯ

Набекрень кепчоночка, чубчик не замкнет,
Ко своей девчоночке, поспешу под окна.
На плечо накину я ремешок гармошки,
Выгляни любимая! Тут я. Под окошком.

Я пою старательно, вывожу куплеты,
И смотрю внимательно, не мелькнёт ли где-то
Тень в окошке спаленки, силуэт знакомый.
Мой цветочек аленький... Может, нету дома?

Может, ей не нравятся чем-то мои песни,
Может, ждёт красавица что поинтересней?
Дверка приоткрылася, ёкнуло сердечко –
Милка появилась, вышла на крылечко.

Стала со мной рядышком с правого-то краю,
Запеваает Ладушка, а я ей играю.
Заиграли – горя нет. Завели страдания,
И народ за нами вслед вышел на гулянье.

Валерий Трофимов

Последний рубеж

ЭССЕ

Проживая в основном в городе, я часто представляю себе: как он там без нас, одинокий? Скучает, поди. Тоскует даже. А каково ему в осеннее, тёмное ненастье? А зимой? Никто не протопит его печи: голландку в переду и большую русскую, что обогревала когда-то весь дом. Более того – и не протопить их уже при всём желании. Пол под русской осел и пошла печь трещинами – руку всунуть можно. Ах, ты мой родной ревякинский дом! А всё же стоит, сердечный. Надеется до последнего.

В нём выросла моя мать. И сам я провёл там немало счастливых детских и юношеских дней. И вот уже двадцать два года (подумать только!) дом стоит без хозяев. Лишь изредка летом заезжаем ненадолго. И как же тогда дом радуется своим! Нет, правда, я всей душой чувствую его чистую радость. И поневоле хочется поддержать его и сделать для него что-то посильное. Вот в прошлом году перебрал крышу сеней, накрыл рубероидом хлев, где стояла бабушкина корова Марта, и чьё молоко в топлёном виде – красноватое, с вкуснейшей пенкой, - я так любил когда-то.

И ещё картинка из далёкого детства. Вспоминаю одно весеннее утро. После умывания бабушка Дуня ведёт меня, всё ещё заспанного, в чулан, где в углу стоят на полке тёмные иконы (дед был учителем начальной школы, и не мог держать их в то время открыто в красном углу), и я за ней начинаю повторять странные, непривычные слова: “Отче наш, иже еси на небесех...”

Позже, в школьные годы, когда приезжал к бабушке на летние каникулы, часто видел её вечерами за старинной Библией. Книга была до того старой, что почти все истончившиеся, обтрёпанные по краям листки оторвались от корешка и просто лежали стопочкой в зелёной клеёнчатой обложке. Иногда бабушка, когда её что-либо тревожило, просила меня, “вроглагого”, открыть Библию наугад и прочесть ту главу, что сразу попадёт мне на глаза. А после моего неуклюжего чтения (шрифт был непривычный, дореволюционный), бабушка некоторое время раздумывала над прочитанным, а затем, посветлев лицом, крестилась, кланялась и удовлетворённо говорила: “Слава Тебе, Господи, что вразумил меня!”

Затем в моей жизни начался новый период – я поступил в военное училище. И бабушка передала мне защитительную молитву и нательный крестик деда – невзрачный, жестяной – с которыми он, зашитыми в гимнастёрку, простым пехотинцем прошёл всю войну, со многими смертельно опасными приключениями, до прусского Кёнигсберга, чудесно не получив в боях ни царапины. Только несколько раз его контузило близкими взрывами.

Те бесценные реликвии – молитва и дедов крестик – где-то затерялись на жизненной пути. Но не затерялись, не погибли те зёрнышки веры православной, что посеяла бабушка в моей душе в те годы. Они проросли и тянутся всё выше и выше. Дошла, верно, до Бога наша совместная с ней молитва пред тёмными иконами. И дом тому был свидетель.

И после всего этого разве можно предать его ожидание? С другой стороны: как не восхититься его стойкостью? Мне бы такую! Так что, милое наше родовое гнездо, подожди ещё немного. В это лето, даст Бог, доберусь я до твоих печей. Переберём их со знакомым печником. Чтобы вновь затеплился твой очаг, и зазвучали возле него голоса православной семьи. Зачем? И кому это нужно посреди умирающей деревни с не паханными, не кошенными много лет полями вокруг? А затем, что это моя Россия, и я у неё в неоплатном долгу. Там моё поле битвы за Родину. Выиграю её – и на нечто большее, возможно, подвигнет тогда Господь.

И вот ещё что: крестик дедов мне надо бы вымолить – дабы вновь чудесно обрести его, так как чувствую то же, что и многие мои современники: “Нас ждёт своя Куликовская битва”.

• Пожилые

Такие они, старики наши ...

Давным-давно это было. Шли мы с бабушкой по улице, а навстречу - старик. Ну, прямо старичок-моховичок из сказки: сгорбленный, сединой, словно пухом, поросший. Разобрал меня смех, а бабушка говорит: "Никогда не смейся над старостью - сам таким будешь".

Веселье мое как обрезало. Я даже задохнулся от возмущения: как, я - таким? Горько усмехнулась бабушка моя, а когда пришли домой, вытащила откуда-то старый альбом и показала мне фотографию симпатичной девушки-славяночки в платье с пелериной, в ботиночках с высокой шнуровкой, с толстенной косой, перекинутой через плечо, и ясным, чуточку вопрошающим взглядом.

- Кто это, ба?

- Да я же, внучек, шестнадцать мне тогда было.

Смахнула бабушка слезинку, дунула на копилку и, подняв штору, засмотрелась-задумалась на звезды. Старость никого не минует. Старики наши - это мы завтра. Тогда ли я это понял или уж "земную жизнь пройдя до половины" — право, не знаю. Знаю только одно: если есть на свете высшая справедливость, каждому из нас когда-нибудь будет воздано тем же, что мы делаем для наших стариков.

Старики вы мои, старики! Я гляжу на ваши ослабевшие, покрытые морщинами руки. Ведь это руки волшебные. Дважды эти самые руки из ничего, из руин да пепла поднимали страну до великой, могучей Державы. Когда они были молодыми да сильными - не стояла Отчизна на европейском пороге с сумой, униженно выклянчивая подачки в долларах, фунтах да марках. Быть может, вот этот, с орденами и нашивками за ранения... лицо его очень знакомо... не он ли был на фотографии сорок пятого года, обошедшей чуть ли не все газеты мира: молодой советский воин, сам еще почти мальчишка, кормит из походной кухни берлинскую детвору?..

- Ведь они не всегда были такими — седыми да усталыми, наши старики. Чего они только не умели! Тачать сапоги и ковать железо, собирать реактивные установки — "Катюши" и выцеливать из снайперской оптики затаившегося врага, сеять хлеб, которого хватало и на экспорт, и нянчить детей, прясть, ткать, водить поезда и пароходы... А как они пели, как плясали — сейчас так у нас, увы, не умеют.

Мирская молва — морская волна. Если хочешь порушить страну, не надо посылать на ее города бомбардировщики, не надо мять поля гусеницами танковых колонн. Достаточно оставить ее без прошлого, вбить клин между старыми и молодыми. Так случилось и с нами. Горькой обидой обидели мы старшее поколение, предав поруганию все, что сделано, возведено, выращено ветеранами. Прошлись по сельскому хозяйству хуже Мамая, а свалили все на тех, кто от зари до зари поливал поля своим потом, кто на коровах, а то и на себе пахал, а страну кормил. Расплодили олигархов с шестизначными окладами, а без вины виноватыми оказались рабочие, чья продукция удивляла мир.

Как-то в очереди (куда от этих очередей денешься, если полжизни теперь на них уходит?) горько вздохнула бабуля - божий одуванчик: "При коммунистах-то хоть было к кому пожалиться пойти. Райком, бывалочке, пугнешь, глядишь — помогут". Героическая борьба с собственными дедами и бабками, как говорится, в жизни всегда есть место подвигу?

Жестокий век, жестокие сердца! Но удивительнее всего: они не отвечают злом на наше зло. Неистребима в них любовь к своим непутевым детям и ожесточившимся внукам, умеющим, как оказалось, только рушить. Задуматься бы нам над этим... Вглядитесь в их лица: сколько доброты, сколько света! Они еще не разучились смеяться, а соберутся меж собою, так и песню споют.

Хотим остаться людьми — надо менять социальную политику. Если последние годы стариков будут обеспечены государством, которому они честно отдали все, — только тогда мы смеем сказать, что нашли правильный путь. Ибо страна, строй, при котором страдают старики и дети, не имеет права на существование. Дееспособность системы определяется по тому, скажут ли ей спасибо люди, давшие нам жизнь.

На нас глядя, учатся наши дети и внуки. Как мы относимся к своим ветеранам — так нынешние молодые, взяв в руки бразды правления, будут относиться и к нам.

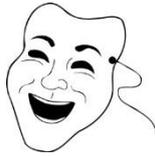
Каким мы хотим видеть свое будущее?

Валерий Разживин
с. Торопацы

• Улыбнись

ПРО САЛО ДУЭЛТОМ

Авторы пяти районов, собравшиеся в Андреаполе на поэтическую встречу, услышали стихотворение-шутку нелидовца Петра Бобунова «Я видел Вас – Вы ели сало...» впервые. Оно многим запомнилось. Второй раз он прочёл его в Пено, но уже не со сцены, а в более узком кругу, за дружеским чаем.

- Чтобы написать такое стихотворение, как надо не любить женщин, - заметила на полном серьёзе одна из присутствовавших дам. – Женщина и сало, совершенно несовместимые вещи.

- Как надо любить сало, чтобы написать такое стихотворение, - отшутил тогда Пётр.

Мог ли он знать, что не слышавший этого разговора андреаполец Александр Павлов, человек серьёзнейший, вдохновлённый на прошлой поэтической встрече этим шутивым текстом, уже написал свой вариант «Сала...»

Предлагаем вам взглянуть на то, как наши мужчины в весёлые минуты совмещают «несовместимые вещи», - тонкую женскую натуру и грубый крестьянский продукт. Не обижайтесь на них, ведь это всего лишь шутка.

Пётр Бобунов

г. Нелидово

* * *

Я видел Вас – Вы ели

сало,

Изящно отведя мизинец.

И всё во мне заклокотало,

Как растревоженный зверинец.

Металось, прыгало, стенало,

И глупо билось в прутья тела!

Я видел, как Вы ели сало,

И мне вот так же Вас хотелось.

Ну, разве сало – пища грубых

И некорректных мужиков,

Когда лоснятся вкусно губы
Под запах тмина с чесноком!

Теснились ломтики на блюде
Цветов нездешних лепестками,
И, если в мире было чудо,
То это чудо было с Вами!

Я чувства пил, как алкоголик,
Вам явно хлеба не хватало –
Невинность розовая долек
Всё убывала, убывала...

Мечты, рванувшей беспредельно,
Вдруг оборвалась с треском нить.
Я видел, как Вы сало
ели –

Вас невозможно

прокормить!

Александр Павлов

г. Андреаполь

Ну, ты и жрала! Ну, ты
жрала

К зиме припрятанное
сало.

Его берег я про запас,
А ты умяла его в раз.

Есть с чесночком его

желала.

Мне даже как-то плохо стало
Пока смотрел, как ты жевала.
О, как мне жалко было сала!

Весь мой запас, весь ларь до дна,
Ты смолотила всё одна.
Всю ночь в экстазе смаковала
Припрятанное мною сало.

А я глотал слюну и слёзы.
Вот-вот придут опять морозы,
И как согреться мне без сала?
А ты всё жрала, ты всё жрала,
Смотреть уж сил не доставало.

